

ривать как инструмент индексации макротекста, составленного из множества региональных этнокультурных фрагментов, который достаточно утилитарен как для ситуативной вербальной самоидентификации, так и для интерактивного диалога.

Дальнейшее развитие подобной герменевтической модели требует дополнительных полевых исследований и углубленного теоретического анализа.

Библиография

‘Abd Allāh al-‘Arawī. Muġmal tāriḫ al-Maġrib. Dār al-Baydā’, 1996. 150 p.

М.А. Родионов

МАШХАД АЛИ В ХАДРАМАУТЕ: ВОСПРОИЗВОДСТВО КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

О значении древних развалин как «поучительных примеров» (*‘ibagāt*) в культурной памяти арабов мне уже доводилось писать, характеризуя антропогенные ландшафты Южной Аравии. В локальной устно-письменной традиции природная среда, освоенная человеком, служит одновременно и наглядным этнокультурным текстом, и поводом для нарратива [Родионов 2016; ср.: Родионов 1995 б: 406–414; Rodionov 2007: 172–174; Родионов 2014: 80–82].

Опираясь на письменную традицию Хадрамаута и на полевые исследования российско-йеменской комплексной экспедиции, ее постоянный участник ‘Абд ал-‘Азиз Джафар Бин ‘Акил (о нем см.: [Родионов 2010]) рассмотрел роль, которую играют священные анклавы безопасности (ед.ч. *ḥawṭa* — от корня «окружать») в организации социокультурного пространства [Бин ‘Акил 1995]. Другие обозначения для *хауты* сохранились в названии некоторых поселений Хадрамаута: *ḥawṭa* (ср. с одноименной деревней в Вади ал-Каср, не имеющей сегодня статуса хауты) или *paq‘a* (местечко к северу от города Гайл Ба Вазир). Местные краеведы, такие как ‘Абдаррахман б. ‘Убайдуллах ас-Саккаф (1883–1956) и некоторые

его предшественники, относят эти термины к «йеменским» [Бин 'Акил 1995: 529; al-Saqqāf 2002: 67–68].

Главная функция подобных анклавов: в их границах запрещаются вооруженные столкновения и любые формы сведения счетов. Представители враждующих племен могли свободно приходить сюда на календарные и / или окказиональные паломничества к могиле основателя хауты, чтобы, как говорят в Хадрамауте, «молиться, торговать и танцевать». Обычно эпоним анклава принадлежал к привилегированной социальной страте — сайидов (отпрыски Пророка от Фатимы и 'Али б. Аби Талиба) или машайих (потомственные религиозные авторитеты). Все обследованные нами локальные святыни, кроме хауты аш-Шайхи Султаны, названы в честь мужчин. Потомки эпонима хауты, прежде всего их старейшина-мансаб, традиционно выступают как третейские судьи при разрешении социальных конфликтов. Чрезвычайно важен также правильный выбор места для устройства хауты — на перекрестке караванных путей, перевале, водоразделе или другом существенном пункте маршрута. При отсутствии централизованной власти и постоянных племенных усобицах анклавы безопасности способствовали более или менее нормальному функционированию общества.

Типология хаут Хадрамаута, общее и особенное в их характеристиках анализировались рядом авторов [Serjeant 1950; 1954; 1957; 1962; Бин 'Акил 1995; Rodionov 1997; 1999; 2007: 125–126, 170–177; Rodionov, Schoenig 2011: 38–43; Родионов 2014: 114–129]. Из множества хаут, каждая из которых достойна самостоятельного исследования [Родионов 1995 а: 385–392], для изучения нарративов локальной культурной памяти целесообразно обратиться к Машхаду Али. Реальный статус данного анклава в иерархии посещаемых хаут гораздо скромнее того значения, которое уделено ему в хадрамаутских письменных источниках.

Название «Машхад» неизбежно связывает суннитскую хауту, расположенную в Вади Дау'ан, юго-западном притоке внутреннего Хадрамаута, с важнейшей шиитской святыней Машхад-Али в ан-Наджафе. Иракский Машхад (в отличии от Машхада восьмого шиитского имама 'Али ар-Рида в Хорасане) широко известен

на Юге Аравии. В семьях местных сайидов, объединенных общим именем Ба ‘Алави, рассказывают, что их предок Ахмад б. ‘Иса ал-Мухаджир прибыл в Хадрамаут тысячу лет назад из Ирака.

Мусульманское предание гласит, что халиф ‘Али б. Аби Талиб был похоронен близ плотины, защищающей город ал-Куфу от разливов Евфрата [Honigmann 2001]. Отношение к воде значимо для любого мусульманского места паломничества, и любому из них не избежать косвенного или прямого сравнения с главной святыней ислама — Каабой, перед фасадом которой расположен колодец Замзам. С давних языческих времен, когда хранителями Каабы выступало племя кусайй, для утоления жажды паломников использовались резервуары-сикайи (ед.ч. siqāya), сохраненные Пророком Мухаммадом ради церемонии очищения [Wensinck 2001: 317 a]. Основной водосточный желоб Каабы называется mizāb al-raḥma — желоб милости [Божией], которая у жителей Аравии ассоциируется с дождем и влагой [Родионов 2015: 53–56].

Резервуары для питья и бассейны для поливной воды (джабии) составляют важную часть комплекса обрядов, совершаемых при паломничестве к хадрамаутскому ал-Машхаду, основанному в 1160/1747 г. в безводной и безлюдной местности ал-Джахи близ горы ал-Гайвар. Формально выбор места определило чудесное знамение — орел, парящий в столбе света. Символический аспект сочетался с практической необходимостью. Избранная местность лежит на дороге, соединяющей побережье с внутренним Хадрамаутом и северойеменским Марибом. Ко времени основания хауты сообщение между долинами Дау‘ан (племена сайбан и бин махфуз, города ал-Хаджарайн, Сиф), ‘Амд (племя ал-джа‘да, город Хурайда), ал-‘Айн (племя ‘авабиса) и ал-Касар (племена ас-сай‘ар и нахд, города Хайнин, Хора и ал-Катн) почти прекратилось, т.к. ас-сай‘ар, нахд и другие племена грабили путников и совершали набеги на города. Чтобы положить конец беззакониям, в оплот разбойников у горы ал-Гайвар отправился поэт и богослов сайид Али б. Хасан б. ‘Абдаллах б. Хусайн б. ‘Умар б. ‘Абд ар-Рахман ал-‘Атгас (1122/1710 — 1172/1758). До этого он поссорился со своими сородичами из Хурайды и переехал в ал-Хаджарайн.

Заручившись поддержкой некоторых старейшин из местных машайих и племен Вади Дау‘ан, сайид ‘Али б. Хасан начал

устройство хауты с поиска воды близ древнего городища Райбун, среди развалин которого выделялся высохший колодец диаметром в десять локтей (ср.: [Rentz 2001]). Сайида ‘Али вдохновляли благоприятные знамения (неожиданный дождь) и чудесные видения: ему явился пророк ал-Хидр, а великий шейх ‘Умар ал-‘Атгас, прапрадед сайида ‘Али, в честь которого основатель хотел назвать будущее святилище, указал место для первого колодца, давшего воду. Работа началась, когда основателю хауты было 38 лет, а закончилась в середине раджаба 1167/ мае 1754 г., когда ему исполнилось 45. Спустя четыре года он умер и был погребен в куббе, строительством которой руководил [Rodionov 2004: 307–311]. Хаута получила имя Машхад ‘Али [б. Хасана ал-‘Атгаса], или просто ал-Машхад. Обычно название трактуется как место захоронения или памяти павшего за веру, но традиция западного Хадрамаута предпочитает объяснять этот топоним как место свидетельства милости Аллаха и праведности Его угодника-вали.

Подробный обзор топографии Машхада Али, характеристики его построек, порядка проведения паломничества и т.д. даны в монографии «Культурная память и мерная речь на Юге Аравии: Хадрамаут» [Родионов 2014: 119–123]. В чем же устно-письменная локальная традиция видит праведность сайида ‘Али, сравнивавшего себя с предком своим кораническим Ибрахимом, наткнувшимся на источник Замзам в вади, лишенном растительности? В ответ местные жители цитируют слова основателя, обращенные к бесплодному ландшафту, избранному им для хауты:

«И сделался ты, о ал-Джахи, раем, после того как был [адским] пламенем. // Предназначили тебя для благих и устроили на протяжении твоём постройки, // и водоем, и место для питья, там, где было место набегов, // и рынок, где расходятся товары на бихары» [Родионов 2014: 121]. Бихар, или верблюжий выюк — 300 ратлей, около 120–130 кг.

Местность ал-Джахи не откликнулась на обращение сайида. Куда более красноречивым оказалось городище Райбун, ответившее пространными стихами на вопрос о причинах гибели своих жителей: эти красивые и щедрые люди, объяснил Райбун, погибли из-за вражды с Богом и Его пророками — Салихом, Мусой, ал-Хидром и Христом [Родионов 2016: 74]. Для назидания грядущим

поколениям остались развалины, а для исследователей, изучающих правила создания хауты, — уникальная рукопись «Китаб ал-максад фи шавахид ал-Машхад (Книга стремления к свидетельствам ал-Машхада)», хранящаяся в рукописной библиотеке «Мактабат ал-Ахкаф» в хадрамаутском городе Тарим под номером 2179 [al-‘Atṭās ‘A. H. 1361/1942].

На титульном листе обозначен автор — знакомый нам сайид ‘Али б. Хасан б. ‘Абдаллах б. Хусайн б. ‘Умар б. ‘Абд ар-Рахман ал-‘Атгас, но далее сообщается, что текст записан Салимом б. Мухаммадом б. ‘Абдаллахом б. Мухсином ал-‘Атгасом по прозвищу Хубхуб (Удод) и закончен 13 раби‘ ал- аввал 1361/ 1 апреля 1942 г. В роду ал-‘Атгас уверены, что «Китаб ал-максад» достоверно излагает историю основания ал-Машхада (см., например: [al- ‘Atṭās ‘A. A. n.d.; al-‘Atṭās ‘A. A. 1379 /1959]); знакомство с рукописью продемонстрировали исследователи Хадрамаута Фрейя Старк, Роберт Сарджент и Абдалла Буджра [Vujra1971: 28–30]. Однако информационный потенциал источника далеко не исчерпан.

Дата, указанная на титуле, неслучайна. Четырехдневное паломничество в Машхад ‘Али приурочено к дню рождения Пророка (12 раби‘ ал-аввал), а на следующий день, 13 числа, в хауту торжественно входит процессия паломников, пеших и верховых; в доавтомобильную эпоху ее возглавляли уважаемые сайиды на 13 лошадях. Характерная для хауты символика чисел присуща и обрядам, связанным с водой как доказательством милости Божьей, средством и символом очищения, физического и духовного. Воду, которой за двадцать дней до паломничества начинают наполнять резервуары для питьевой воды сикайи и бассейны, берут из четырех колодцев — Би’р ал-‘Атияа, Би’р ал-Карамы, Би’р Шайх Ба Вазир и Би’р ан-Нур. Из западной сикайи, Хауд ан-Наби, пили 52 человека одновременно (13×4), из восточной, Сикайат ад-Даула, 73 человека (60 + 13). В наше время в ал-Машхаде провели модернизацию: воду охлаждают холодильные установки, оборудованы современные комнаты для омовения и сливные туалеты.

Над водой мансаб читает суру «Йа син», стихи о Пророке и его потомках, поминая ‘Умара ибн ‘Абд ар-Рахмана ал-‘Атгаса, покровителя хауты. Паломники посещают куббу, где находятся 7 мо-

гил — сайида ‘Али б. Хасана, его отпрысков и шейха Бин ‘Афифа, оказавшегося здесь, как считает традиция, благодаря чуду. Он был похоронен в другом месте, но, исполняя желание шейха, дождевой поток перенес его деревянный табут (саркофаг) прямо в куббу сайида, ибо течение потока направляла Божья милость.

Символическая перестройка ландшафта начинается с «оживления мертвой земли», т.е. с орошения, но подразумевает также работу с топонимами: создание новых и переосмысление старых (см. выше: местность ал-Джахи, гора ал-Гайвар), редактуру топонимов или их переименование. Так холм Хасат ал-Лисат (ḥaṣāt al-liṣṣāt), Камень Воров, обозначавший северную границу анклава безопасности, был переименован в Хасат аз-Зуввар (ḥaṣāt al-zuwwār), Камень Паломников.

Повествование о хауте ал-Машхад в «Китаб ал-мақсад» предлагает развернутые и детальные ответы на вопрос о причинах ее основания у горы ал-Гайвар. Их пять: «Машхад ал-Гайвар построен ради пяти великих добродетей, а именно: [1] оказания помощи всем мусульманам, верующим, добродетельным, несомненным; [2] объединения разобщенных; [3] утоления водой жаждущих; [4] безопасности боящимся и [5] приручения одичавших» [al-‘Aṭṭās ‘A. Ḥ. 1361/1942: 3].

К пяти «добродетелям», ради которых основан Машхад ‘Али в Хадрамауте, его строитель или записавший эту историю Салим Удод, могли бы добавить шестую — ради назидания потомкам, т.е., выражаясь нашим языком, для обогащения и воспроизводства общей культурной памяти.

Источники

al-‘Aṭṭās, ‘Alī b. Ḥasan b. ‘Abdallāh. Kitāb al-Maqṣad fī shawāhid al-Mashhad. MS, Maktabat al-Aḥqāf, Tarīm, catalogue no. 2179. 1361/1942. 477 с.

al-‘Aṭṭās ‘Alī b. Aḥmad. Nafḥ al-misk al-maftūt min aḥbār Wādī Ḥaḍramūt. MS, the al-‘Aṭṭās family archives. Ḥurayḍa, n.d.

Библиография

Бин ‘Акил, ‘Абд ал-‘Азиз Джа‘фар. Хауты в Хадрамауте (принципы полевых исследований) // Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. I. М.: Восточная лит-ра, 1995. С. 528–533.

Родионов М.А. Этнографическое изучение Хадрамаута: результаты и перспективы // Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. I / Отв. ред. П.А. Грязневич, А.В. Седов. М.: Всемирная литература, 1995 а. С. 380–396.

Родионов М.А. Два поэта из Хадрамаута // Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. I. Отв. ред. П.А. Грязневич, А.В. Седов. М.: Всемирная литература, 1995 б. С. 403–414.

Родионов М.А. Абд ал-Азиз Бин Акил — исследователь обычного права Хадрамаута (из истории российско-йеменских научных связей) // Россия и Арабский мир: к 200-летию профессора Санкт-Петербургского университета Шейха ат-Тантави (1810–1861), 2–3 ноября 2010 г. / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб., 2010. С. 111–116.

Родионов М.А. Культурная память и мерная речь на Юге Аравии: Хадрамаут. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 154 с.

Родионов М.А. Основы аравийского универсума: дождь между небом и землей // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 году / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 53–57.

Родионов М.А. Аравийские развалины: текст и повод для нарратива // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 году / Отв. ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 71–5.

al-‘Aṭṭās, ‘Alī b. Aḥmad. Tarjamat shaykh al-islām Aḥmad b. Ḥasan [...] al- ‘Aṭṭās wa yalayhā riḥlātuhu ’ilā Miṣr wa-Makka al-mukarrama wa-Daw‘an. [s.l.], 1379 /1959. 210 с.

Bujra A. The Politics of Stratification: A Study of Political Change in a South Arabian Town, Oxford: Clarendon Press 1971. 201 p.

Honigmann E., Bosworth C.E. Mashhad // Encyclopaedia of Islam. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2001. Vol. VII. 859 b.

Rentz G. Barhūt // Encyclopaedia of Islam. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2001. Vol. I, 1045 a.

Rodionov M. Mawla Matar and other awliya’: On Social Functions of religious Places in Western Hadramawt, in Mare Erythraeum (Staatliches Museum für Völkerkunde, Munchen). Vol. I. Munchen 1997. P. 107–114.

Rodionov M. Towards Typology of Visited Shrines in Wadi Hadramawt // Cultural Anthropology of Southern Arabia: Hadramawt Revisited (Russian Academy of Sciences. Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter The Great, Kunstkamera). SPb., 1999. P. 89–95, 174–181.

Rodionov M. Mashhad ‘Ali revisited: documents from Hadramawt // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 2004. Vol. 34. P. 307–312.

Rodionov M. The Western Hadramawt: Ethnographic Field Research, 1983– 1991 // Orientwissenschaftliches Hefte. OWZ der Martin-Luther-Universitaet Halle-Wittenberg. 2007. Hft 24. 307 p.

Rodionov M., Schoenig H. The Hadramawt Documents, 1904–51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Orient-Institut Beirut: Ergon. 2011. 329 p., illus. (Beirutes texte und Studien 130).

al-Saqqāf, ‘Abd al-Raḥmān b. ‘Ubaydullah. Mu‘jam buldān Ḥaḍramawt: ‘Idām al-qūt fī zikr buldān Ḥaḍramūt. Ṣana‘ā’, 1423/2002. 616 c.

Serjeant R. Materials for South Arabian History. Notes on new MSS from Ḥaḍramawt, Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1950. Vol. 13. Part 2. P. 281–307; Part 3. P. 581–601.

Serjeant R. Hūd and other Pre-Islamic Prophets of Ḥaḍramawt // Le Muséon. 1954. 67. P. 121–179.

Serjeant R. The Saiyids of Ḥaḍramawt. L.: School of Oriental and African Studies, 1957. 72 p.

Serjeant R. Historians and Historiography of Hadramawt // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1962. Vol. 25. P. 239–261.

Wensinck A. J. Al-Ka‘ba // Encyclopaedia of Islam. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2001. Vol. IV. 317 a.

В.Н. Семенова

СВЯТЫЕ САМУИЛ ВАЛЬДЕБСКИЙ И ТЭКЛЭ ХАЙМАНОТ: О КОНСТРУИРОВАНИИ ОБРАЗА В ЭФИОПСКОЙ АГИОГРАФИИ И ИКОНОПИСИ

Главным источником жизни и деяний одного из эфиопских святых, чей образ крайне популярен в религиозном искусстве Эфиопии, аббы Самуила /Sam el of Waldəbba/ (XIV — начало XV в.), является житие /gädl/. Его имя традиционно связывается с основанием монастырского комплекса Вальдебба /Waldəbba/, откуда он и получил свое имя Вальдебский. Его еще называют «иже от пустыни Вали» /za-gadāma Wāli/. В житии указано, что он двинулся в пустыню Вали (Wali), которую обычно ассоциируют с Вальдебба /Waldəbba/. Его житие позволяет определить район. Это область реки Тэкэзе /Täkkäze/, Шире /Šire/, Вэгэра /Wägära/, расположен-